ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Филатова Антона Владимировича
на тему: «Мифопоэтические стратегии акмеистов: аксиологический аспект (Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, О.Э. Мандельштам)»
по специальности 10.01.08 – «Теория литературы. Текстология»

Диссертация Антона Владимировича Филатова, вне всякого сомнения, находится в русле одной из самых современных тенденций отечественного литературоведения, которое в центр процедур анализа и интерпретации литературных фактов ставит изучение ценностного аспекта литературного творчества. В конечном итоге, именно этот аспект является главным, если иметь в виду роль литературы в жизни общества, а также в процессе обучения и воспитания молодежи на материале классической и современной литературы – ведь именно школа является, хотя об этом мы часто забываем, конечным «потребителем» того, что создает литературовед, и, наверное, очень многих проблем во всех сферах нашей жизни можно было бы избежать, если бы педагоги смогли в свое время должным образом актуализовать ценностный потенциал литературы в сознании тех, кто когда-то был школьником, а нынче ведет вполне взрослую жизнь и, как представляется, не всегда достаточно ответственно. На этом обстоятельстве, кроме прочих, относящихся уже к литературоведческим проблемам, базируется несомненная *актуальность* представленной работы.

Данное обстоятельство лежит и в основании такого параметра, как *научная новизна*. Несмотря на то, что творчество акмеистов, а также феномен ремифологизации в их поэзии уже не раз были объектом исследований, ценностный потенциал этого литературного явления не становился предметом специального анализа, и данная лакуна компенсируется настоящей диссертацией.

Теоретическая значимость работы А.В. Филатова состоит в уточнении и качественном использовании методик анализа сложных культурных и литературных объектов, в рамках которого бывает необходимо мобилизовать разнообразные принципы литературоведческого анализа (структурный, биографический и проч.) в сочетании с методами, принятыми в исторической науке, философии, лингвистике, культурологии и прочих гуманитарных дисциплинах. Данный интегративный подход всегда дает хорошие результаты, которые можно использовать также и в *практическом* плане – как основу разнообразных общих и специальных курсов, а, кроме того, как базу для дальнейших исследований и поэзии Серебряного века, и проблемы «миф и литература».

В обширной и обстоятельной диссертации А.В. Филатова много крайне интересных, оригинальных и убедительно доказанных положений, наблюдений и выводов. Главное, конечно, что вызывает безусловное приятие, так это умение автора показать общее в различном и различное в общем – и все в исторической ретроспективе, – когда в диссертации ведется речь о специфике интерпретации мифологического материала в творчестве Вяч. Иванова и И. Анненского, а потом – в поэзии, статьях и манифестах их младших современников, Н. Гумилева, С. Городецкого и О. Мандельштама. Здесь построение теоретической модели, что необходимо по нормам заявленной специальности, базируется на масштабном «эмпирическом» материале – и поэзии, и теоретических высказываний исследуемых авторов, а также на обширной научной литературе о символизме и акмеистах, как отечественной, так и зарубежной.

Безусловной научной ценностью обладает разработанная в диссертации гипотеза трансформации «неомифа» в творчестве акмеистов: на смену актуальной для символистов ценностной оппозиции неба и земли как сакрального и профанного приходит полигенетический миф, созданный Н. Гумилевым, где отчетливо прослеживаются уровни библейский, отсылающий к книгам Ветхого и Нового Заветов,

оккультный/апокрифический, связанный с различными неканоническими религиозными течениями (каббала, масонство и т.д.), литературный, определяемый различными перекличками с произведениями предшественников (Гомер, Данте, Дж. Мильтон и т.д.), акмеистический/адамистический, опирающийся на сформулированное в рамках новой школы миропонимание и эстетические принципы, биографический, связанный с А.А. Ахматовой и любовью Гумилева к путешествиям, а также уровень авторской мифологии, его личностного вторжения в исходный миф и диалога с традицией (стр. 177 диссертации). В свою очередь, С. Городецкий, по словам автора, «подчеркивает земную, материальную сущность человека; рай для автора и здесь – всегда явление здешнего, посюстороннего мира, это прекрасный сад, который может быть экзотичным или родным, национальным. Главное, что он противостоит серому и мертвому пространству города» (стр. 227). И, наконец, О. Мандельштам «синтезирует идеи символизма с акмеистическим миропониманием, подчеркивая аксиологическую значимость реального бытия и необходимость сохранения памяти об исторического прошлом и духовных ценностях мировой культуры, что становится особенно важным в современную ему революционную эпоху» (с. 285 диссертации).

Эта «проходная» идея, теоретический стержень работы оснащен в диссертации многочисленными и очень интересными наблюдениями над текстами изучаемых авторов, а также глубокими и взвешенными теоретическими пассажами.

Так, автор интересно говорит о соотносимости символистской тенденции к онтологизации искусства с исходной структурной синкретичностью мифа (стр. 91-92), об изоморфизме найденной в лирике Н. Гумилева оппозиции «душа/тело» и таких бинарных ценностных пар, как «статичность/движение» («Ангел-хранитель», «У камина») «равнодушие/страсть» («Сон», «Жестокой») – стр. 157.

Так же интересно автор описывает семантические переклички различных текстов Н. Гумилева на основе регистрации ритмико-метрических соответствий между ними (анафорический повтор сравнительной конструкции в «Деве Солнца» и «Осенней песне», который позволяет утверждать: дева рая – это, разумеется, и есть прародительница Ева, что крайне важно для конструирования Н. Гумилевым адамического мифа – стр. 136-137).

А.В. Филатов демонстрирует филигранный анализ структуры мандельштамовского орфического мифа, который, в частности, строится на оппозиции микроциклов 1920 года, где поэт насыщает стихотворения реминисценциями из музыки Глюка, интенсифицируя их ценностную составляющую (стр. 279-280).

Убедительны страницы, где автор анализирует различного рода анаграмматические и паронимические сближения в поэзии Мандельштама («камень» – «акме», «адмиралтейство»; «Эвридика» – «эврика»), реализующие пристальное внимание поэта к фонетической стороне слова, и многое другое.

Данные и прочие, весьма многочисленные, эпизоды диссертации не только обосновывают теоретическую концепцию автора, но и сами по себе интересны – как теоретику, так и историку литературы, обратившемуся к данному периоду в истории русской словесности.

Нельзя не отметить то, как основательно и уважительно автор ведет полемику с исследователями, чьих точек зрения не разделяет, а также то, как взвешенно подходит к возможностям филологической науки, которая – в ее современном состоянии – не всегда способна решить стоящие перед ней проблемы («…В силу исторической динамики художественных ценностей их объективное определение теоретико-литературными методами представляется проблематичным…» – стр. 47). Все это говорит об исследовательской зрелости и профессионализме автора представленной диссертации.

Но, как любое зрелое и оригинальное сочинение, диссертация А.В. Филатова вызывает вопросы, провоцирует полемику, а также желание поучаствовать в формировании ее теоретической концепции.

Во-первых, автору отзыва хотелось бы, чтобы в диссертации был более подробно представлен анализ собственно словесной фактуры текстов исследуемых авторов – в том числе, и в критическом ключе. Поскольку в стихотворном тексте значительно более полно, чем в прозе, реализуется иконическая природа словесного знака, устанавливающая структурное тождество плана выражения и плана содержания, то, вероятно, и ценностная компонента мифа (и «неомифа») напрямую соотнесена с качеством словесного материала, которое в творчестве акмеистов представляется далеко неоднородным (достаточно сравнить тексты С. Городецкого и тексты О. Мандельштама).

Во-вторых, хотелось бы, чтобы автор более четко и компактно сформулировал свое отношение к базовой для диссертации схемы взаимоотношений архаического мифа, его восприятия в последующей культуре и, наконец, различных «неомифов», возникающих на основе этого восприятия в литературе XIX – XXI веков. Эта схема реализована в диссертации, но, если можно так выразиться, рассредоточено. Конечно, значимость этой проблемы выходит далеко за рамки обсуждаемых вопросов, но, поскольку она стоит в центре проблематики диссертации, сделать это необходимо. К примеру, автор отзыва сомневается, что можно говорить о «гармонизирующем пафосе» архаического мифа (стр. 100 диссертации и далее) и, вообще, о его аксиологии. Такого рода аксиология (как и символизация) в архаический миф привноситься последующими поколениями, теми, кого В. Вундт называл «рефлектирующими мифологами». Ведь архаический миф, как на то еще в краткой девятитомной литературной энциклопедии указывал С.С. Аверинцев, есть функциональный аналог науки, а сами научные конструкции (даны они в понятийно-терминологическом формате или в виде конкретно-чувственных

персонификаций) лишены аксиологической референции, хотя деятельность ученого мы, конечно, можем оценивать положительно или отрицательно (я не могу сказать: «я счастлив в силу того, что E равно mc^2», но могу, при наличии соответствующей подготовки, позитивно или негативно оценить вклад придумавшего эту формулу ученого в мировую науку). Дополнительными аргументами в пользу принципиальных различий между архаической мифологией и художественным «неомифом» являются и их иные сравнительные характеристики (дорефлективность и коллективность процесса создания архаического мифа, о которых писал Е.М. Мелетинский и другие исследователи проблемы, в противовес рефлективности и индивидуальному характеру художественного творчества в современную эпоху).

В третьих, этот вопрос напрямую связан с той аксиологической моделью, которая выстраивается в диссертации. Если архаический миф, на который ориентируются акмеисты, онтологически и функционально отличен от литературного «неомифа», то уместно более четко описать отношения, возникающие между двумя этими феноменами в аксиологическом плане.

Возвращение символистов и их младших современников к тому, что ценимый символистами Ницше в «Рождении трагедии…» называл «мифическим материнским лоном», уже само по себе обладало безусловной позитивной ценностью, потому что позволяло, как писал Т.С. Элиот, «упорядочивать, придавать форму и значение тому громадному зрелищу тщеты и разброда, которое представляет собой современная истрория»; и уже на этом фоне акмеисты «разыгрывали» свои индивидуальные тактики мифотворчества – будь это структурирование хаоса на основе мифологического претекста, выстраивание оппозиции древней культуры и современной цивилизации, создание собственных мифологем, контаминация разных мифов в единый сюжет и т.д. Поэтому можно было бы говорить об удвоении ценностной (если угодно, модальной) рамки

эстетического объекта, создаваемого акмеистами. И здесь есть смысл обратиться к теории прецедентных феноменов (о прецедентности мифа по отношению к творчеству акмеистов пишет цитируемая в диссертации Л.Г. Кихней), разрабатываемой в современной филологии (работы Ю.Н. Караулова, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Г.Г. Слышкина и др.). А, поскольку прецедентный текст понимается по отношению к становящемуся на его основе тексту как метатекст, то и теория последнего может быть востребована – в том числе, и своим понятийно-терминологическим потенциалом. Повторяю, материал для такого обобщения есть в диссертации, но нужно, на взгляд оппонента, более четко расставить соответствующие акценты.

В целом же работа оставляет впечатление глубокого оригинального исследования, вносящего значительный вклад в теорию литературы.

Положения и материалы диссертации в полной мере отражены в автореферате и публикациях автора.

Высказанные полемические замечания ни в коей мере не призваны проставить под сомнение вклад, сделанный в науку автором представленной диссертации, и являются исключительно следствием интереса, который оппонент питает к работе А.В. Филатова.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.08 – «Теория литературы. Текстология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Работа оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Филатов Антон Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – «Теория литературы. Текстология».

Официальный оппонент:
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка и перевода
факультета иностранных языков и международной коммуникации
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Миловидов Виктор Александрович

29 октября 2020 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
10.01.08 – «Теория литературы. Текстология»

Адрес места работы:
170100, Тверская обл., г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.
Тел.: 8 (4822) 34-24-52; e-mail: rector@tversu.ru

Подпись сотрудника факультета иностранных языков
и международной коммуникации ТвГУ
В.А. Миловидова удостоверяю:
и.о. ректора ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
доктор филологических наук, профессор Л.Н. Скаковская